Автор: admin
02.07.2010 09:47 -

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЭГО И БЕССОЗНАТЕЛЬНЫМ

(Из Two Essays on Analytical Psychology, Collected Works, vol. 7, Second Essay, pars. 202—295;)

Первая часть
ВОЗДЕЙСТВИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО НА СОЗНАНИЕ

I

Личное и коллективное бессознательное

Как известно, с точки зрения Фрейда содержание бессозна-тельного сводится к инфантильным стремлениям, которые вытесняются из сознания вследствие их неприемлемого характера. Вытеснение — это процесс, начинающийся в раннем детстве под моральным давлением среды и продолжающийся в течение всей жизни. При помощи анализа вытеснения (repressions) ус-траняются, а вытесненные желания осознаются.

Согласно этой теории бессознательное содержит в себе лиги. те стороны личности, которые вполне могли бы быть созна-тельными и были подавлены только благодаря процессу воспи-тания. И хотя с известной точки зрения эти инфантильные стремления так и бросаются в глаза, было бы ошибкой определять или оценивать бессознательное, исходя целиком из них. У бес-сознательного есть и другая сторона: оно включает в себя не только вытесненные содержания, но весь тот психический материал, что лежит ниже порога сознания. Невозможно объяснить подпороговую природу этого материала принципом вытеснения. ибо в таком случае устранение вытеснения должно наделять любого из нас фантастической памятью, не позволяющей ничей забыть.

Поэтому мы настаиваем на том, что в добавление к вытес-ненному материалу бессознательное содержит в себе все те пси-хические компоненты, которые опустились ниже порога сознания: равно как и подпороговые чувственные восприятия. Кроме того. нам известно (как из собственного богатого опыта, так и из теоретических соображений), что бессознательное содержит также весь материал, который *еще не* достиг порога сознания. Это — зародыши будущих сознательных содержаний. Равным образом у нас есть основание предполагать, что бессознательное лишено состояния покоя, в смысле бездеятельности, и непрерывно за-нимается группировкой и перегруппировкой своего содержания. Эту активность следовало бы считать полностью автономной лишь в патологических случаях; в норме между активностью бессознательной и сознательной психики устанавливаются компенсаторные отношения.

Можно допустить, что все эти содержания — коль скоро они приобретаются в течение жизни индивидуума — носят личный характер. Поскольку эта жизнь ограничена, количество приобре-тенных за отпущенный срок содержаний бессознательного тоже должна быть ограниченным. А если так, то исходя из сообра-жения, что бессознательное не способно создать ничего, кроме уже известного и усвоенного сознанием, вероятно, допустимо считать возможным опорожнение бессознательного либо посред-ством психоанализа, либо путем составления полного перечня его содержаний. Кроме того, нам пришлось бы допустить, что умей мы, устраняя вытеснение, приостанавливать погружение сознательных содержаний в бессознательное, мы могли бы пол-ностью парализовать производство бессознательной продукции. Но это, как мы знаем по опыту, возможно лишь в очень ограниченной степени. Нам приходится постоянно твердить на-шим пациентам: прочно удерживайте некогда вытесненные, а теперь заново ассоциированные в сознание содержания, и асси-милируйте их в свой план жизни. Однако эта процедура, как мы ежедневно убеждаемся, не производит должного впечатления на бессознательное, ибо оно спокойно продолжает вырабатывать сновидения и фантазии, которые, согласно оригинальной теории Фрейда, должны быть результатом личных вытеснении. Если в таких случаях мы продолжим систематически и беспристрастно наблюдать за происходящим, то обнаружим материал, хотя и похожий по форме на предыдущие личные содержания, однако несущий на себе признаки чего-то такого, что явно выходит из сферы личного.

Отыскивая в памяти пример, чтобы проиллюстрировать только что сказанное, я особенно живо вспоминаю пациентку, страдав-шую слабым истерическим неврозом, каковой, как мы выража-лись в те времена [около 1910 года], своей главной причиной имел «отцовский комплекс». Этим выражением мы хотели под-черкнуть то обстоятельство, что именно особые отношения па-циентки с отцом стали помехой на ее пути. Она была в пре-красных отношениях со своим (теперь уже умершим) отцом. Главным образом, эти отношения носили эмоциональный ха-рактер. В таких случаях обычно развивается именно интеллек-туальная функция, которая впоследствии оказывается тем мостом что связывает человека с миром. Видимо поэтому наша пациентка стала изучать философию. Ее энергичная погоня за знаниями была мотивирована потребностью освободиться от эмоциональ-ных пуг своего отца. Эта операция может оказаться успешной, если ее чувствам удастся найти выход на новом интеллектуальном уровне, возможно в образовании эмоциональной связи с подхо-дящим мужчиной, равноценной прежней связи с отцом. В данном конкретном случае, однако, такой переход был отвергнут, потому что чувства пациентки повисли в воздухе, колеблясь между отцом и не вполне подходящим ей мужчиной. Движение ее жизни вперед оказалось, таким образом, задержанным, и тот внутренний разлад, что так характерен для невроза, быстро дал о себе знать. Так называемый нормальный человек, вероятно, мог бы прервать эмоциональную связь в том или другом направлении мощным усилием воли, либо — и это, возможно, более обычная вещь - выйти из

затруднительного положения бессознательно, по гладкой дорожке инстинкта, даже не сознавая, какого рода конфликт скрывается за его головными болями или иными физическими недомоганиями. Однако любого ослабления инстинкта (которое может иметь множество причин) достаточно для того, чтобы воспрепятствовать гладкому бессознательному переходу. Тогда все движение вперед задерживается конфликтом, а возникающая в результате неподвижность (stasis) ((От *др.-греч stasiV* — неподвижное). По Пармениду, структурная характеристика бытия, где совершенно отсутствует всякое изменение. — *Прим. пер.*) жизни равнозначна неврозу. Вследствие такого застоя психическая энергия растекается во всех мыслимых направлениях, по-видимому, без всякой пользы. Например, появляется чрезмерное возбуждение симпатической нервной системы, которое ведет к нервным расстройствам желудка и кишечника; или излишне возбуждаются блуждающий нерв (и, как следствие этого, сердце); или фантазиям и воспоминаниям, которые сами по себе не представляют особого интереса, при-дается слишком большое значение и они начинают терзать сознательный ум (из мухи делают слона). В этом состоянии требуется новый мотив, чтобы положить конец болезненной «подвешенности». Природа сама подготавливает почву для этого, бессознательно и косвенно, через посредство феномена перене-сения (Фрейд). В ходе психоаналитического лечения пациентка переносит «образ отца» на врача, тем самым делая последнего в некотором смысле отцом, а в том смысле, в каком врач *не* есть отец, делая его еще и заменой мужчины, оказавшегося для нее недостижимым. Таким образом, врач становится и отцом, и своего рода возлюбленным — другими словами, объектом конфликта. В нем объединяются противоположности, и по этой причине он символизирует казалось бы идеальное разрешение конфликта. Без малейшего на то желания врач оказывается объектом завышенной оценки, почти невероятной для посторон-него, ибо пациенту он кажется подобием Спасителя или Господа Бога. Сказанное вовсе не так забавно, как звучит. В действи-тельности не так уж и хорошо быть одновременно отцом и возлюбленным. Никто не смог бы выдержать такое в течение долгого времени именно потому, что это уж слишком хорошо. Нужно быть по меньшей мере полубогом, чтобы выдерживать такую роль без перерыва, ибо все время пришлось бы быть тем, кто охотно отдает, дарит, жертвует. Пациентке в состоянии пе-ренесения это временное решение естественно кажется идеальным, но... только вначале; в конце же она попадает в тупик, который так же плох, как был плох невротический конфликт. В сущности, еще ничего не произошло из того, что могло бы привести к действительному решению. Конфликт был просто-напросто пе-ренесен. Тем не менее, успешное перенесение может — по край-ней мере временно — привести к полному исчезновению невроза, и потому оно было совершенно справедливо признано Фрейдом целебным фактором первостепенной важности, но, вместе с тем, лишь временным состоянием, которое хотя и продлевает воз-можность исцеления, само

таковым не является.

Это несколько длинноватое обсуждение казалось мне необхо-димым для того, чтобы мой пример был правильно и до конца понят, ибо моя пациентка достигла состояния перенесения и уже дошла до верхнего предела, где застой начинает становиться неприятным. И вот возник вопрос: что дальше? Я, конечно, превратился в совершенного спасителя, и мысль о том, что со мной придется расстаться, была для пациентки не просто крайне неприятна, но поистине вселяла ужас. В подобной ситуации «крепкий здравый смысл» обычно вытаскивает на свет божий весь репертуар увещевания: «вы просто обязаны», «вам, право, не следует», «вы просто не можете» и т. д. Поскольку крепкий здравый смысл, к счастью, явление не слишком редкое и не совсем бесполезное (пессимисты, я знаю, существуют), какой-нибудь рациональный мотив, появившийся в фазе бурного подъ-ема жизненной энергии, получаемой от перенесения, может вы-звать столько энтузиазма, что громадным усилием воли человек способен решиться на болезненную жертву. И если это случается (а такое иногда случается), жертва приносит блаженный плод, и прежний пациент одним прыжком переходит в состояние практически здорового человека. Врач, обычно, настолько рад случившемуся, что ему просто не до теоретических трудностей, связанных с этим маленьким чудом.

Если же такой прыжок совершить не удается — не удалось его сделать и моей пациентке, — тогда мы вплотную сталкива-емся с проблемой «рассасывания» перенесения. Здесь «психоа-налитическая теория» окутывает себя непроницаемым мраком. По-видимому, мы должны вернуться к слепой вере в судьбу: так или иначе все уладится само собой. Как однажды заявил мне один циничный коллега: «Перенесение автоматически пре-кращается, когда у пациента кончаются деньги». Или неизбежные требования жизни делают для пациента невозможным задерживаться в состоянии перенесения — требования, которые принуждают к ненамеренной жертве, иногда с более или менее полным рецидивом в результате. (Тщетно искать сообщения о таких случаях в книгах, восхваляющих психоанализ!)

Конечно, бывают безнадежные случаи, где ничто не помогает но есть и такие случаи, когда пациенты не застревают в состоянии перенесения и выходят из него без горечи в сердце и головных болей. Я сказал себе, что при сложившихся у моей пациентки обстоятельствах, должен существовать ясный и приемлемый выход из такого «безвыходного положения». У нее уже давно кончились деньги (если они у нее вообще когда-нибудь были), однако мне было любопытно узнать, какие средства сама природа могла бы изобрести для удовлетворительного выхода из мертвой точки перенесения. Поскольку я никогда не мнил о себе, будто наделен тем «крепким здравым смыслом», которому всегда точно известно, что надо делать в любом затруднительном положении, и поскольку моя пациентка знала об этом не больше меня, я предложил ей следующее:

вместе попробовать, по крайней мере, присмотреться к каждому движению души, приходящему из той ее сферы, которая не осквернена нашей высокомерной мудростью и сознательными планами. Под этими движениями души под-разумевались прежде всего ее сновидения. Сновидения содержат образы и мысли-ассоциации, которые создаются без нашего сознательного намерения. Они возникают спонтанно, без нашего содействия, и являют собой образцы психической активности, вышедшей из-под нашей деспотической воли. Поэтому сновидение есть, собственно говоря, в высшей степени объективный, естественный продукт души, от которого мы, вероятно, могли бы ожидать указаний или, по меньшей мере, намеков на некоторые основные тенденции душевного процесса. Но поскольку процесс психической жизни, подобно любому другому процессу жизни, представляет собой не просто причинную цепь событий, но и процесс с телеологической ори-ентацией, мы, по-видимому, вправе ожидать от сновидений оп-ределенных *indicia (*Показаний *(лат.). — Прим. пер.)* как о целевой причинности (objective causality), так и о целевых тенденциях (objective tendencies), — именно потому, что сновидения можно без преувеличения назвать са-моотображениями (self-representations) процесса психической жиз-ни.

Итак, исходя из этих размышлений, мы подвергли сновидения пациентки тщательному исследованию. Дословное цитирование всех сновидений, имевших место в тот период, увело бы нас слишком далеко. Достаточно будет обрисовать их главную от-личительную особенность: большинство из них имело отношение к персоне врача, то есть в персонажах сновидений легко узна-вались пациентка и ее врач. Последний, однако, редко появлялся в своем естественном обличий, но обычно искажался весьма примечательным образом. То его фигура принимала сверхъесте-ственные размеры, то он выглядел крайне старым; иногда он походил на ее отца, но, в то же время, странным образом сливался с природой, как в следующем сновидении:

Ее отец (который в действительности был маленького роста) стоял с ней на холме, покрытом пшеничными полями. Она была совсем крошечной по сравнению с ним, а он казался ей великаном. Он поднял ее с земли и держал на руках, как малого ребенка. Ветер проносился по пшеничным полям, и, в такт пшенице, раскачиваемой на ветру, он качал ее на руках.

В этом и других, подобных ему сновидениях, я смог разглядеть разные вещи. Прежде всего у меня создалось впечатление, что бессознательное пациентки твердо придерживалось представления обо мне, как об отце-возлюбленном, так что фатальная связь, которую мы старались уничтожить, казалось, усиливается вдвойне Кроме того, едва ли можно избежать впечатления, что бессознательное особо подчеркивало сверхъестественную, почти «боже-ственную» природу отца-возлюбленного, тем самым еще больше акцентируя завышенную оценку врача, вызванную перенесением Поэтому я задался вопросом: неужели пациентка все еще не поняла целиком фантастического характера своего перенесения или, возможно, бессознательное вообще недоступно пониманию и нужно слепо и по-идиотски неотступно следовать за некой бессмысленной химерой?

Мысль Фрейда о том, что бессознательное «не способно ни к чему, кроме желания», шопенгауэрова слепая и бесцельная Воля, гностический демиург, в своем тщеславии мнящий себя совершенным, а в слепоте своей ограниченности творящий со-вершенно ничтожное — все эти пессимистические подозрения о негативной по существу подоплеке (background) мира и души подступили угрожающе близко. И действительно, этому, казалось, нечего было противопоставить, кроме имеющего добрые наме-рения «вам следовало бы», подкрепленного ударом топора, от-секающего всякую фантасмагорию раз и навсегда.

Но, когда я снова и снова возвращался в своих мыслях к этим сновидениям, мне пришла в голову другая возможность. Я сказал себе: нельзя отрицать того, что сновидения продолжают говорить теми же самыми избитыми метафорами, которыми и моя пациентка, и я пресытились до отвращения в ходе наших бесед. Но пациентка обладает бесспорным пониманием своей фантазии перенесения. Она знает, что я кажусь ей полубожест-венным отцом-возлюбленным, и она способна, по крайней мере интеллектуально, отличить эту кажимость от моей действительной сущности. Следовательно, сновидения явно воспроизводят созна-тельный взгляд на проблему за вычетом сознательной критики, которую они полностью игнорируют. Они повторяют сознатель-ные содержания, но не *in toto (*Целиком, полностью *(лат.). — Прим. пер.),* упорно отстаивая лишь фанта-стическую точку зрения в противоположность «крепкому здравому смыслу».

Разумеется, я спросил себя: чем вызвано это упорство и какова его цель? То, что оно служит какой-то определенной цели, я был убежден, ибо поистине нет такой живой твари, которая не обладала бы финальным значением, которое можно в других словах объяснить как простой остаток от предыдущих событий. Но энергия перенесения настолько сильна, что произ-водит впечатление витального инстинкта. Коль это так, то какова же цель таких фантазий? Тщательное изучение и анализ сно-видений

пациентки, и особенно только что приведенного сно-видения, вскрыли явно заметную тенденцию, а именно: вопреки сознательной критике, всегда стремящейся привести вещи к человеческим пропорциям, наделять персону врача сверхчелове-ческими атрибутами. Ему выпало быть громадным, изначальным, превосходящим отца, подобным ветру, проносящемуся над землей — так не должен ли он был тогда превратиться в Бога? Или, сказал я себе, это скорее тот случай, когда бессознательное пыталось *сотво рить Бога*
из персоны врача, как бы освободить вид Бога от покровов персонального, так что перенесение на персону врача было всего лишь заблуждением сознательного ума, глупой выходкой «крепкого здравого смысла»? Может быть, упорство бессознательного только внешне направлено на конк-ретного человека, а в более глубоком смысле — на Бога? А может быть, стремление к Богу есть та страсть, что бьет ключом из нашей темнейшей инстинктивной натуры, не подчиняясь никаким внешним влияниям, более глубокая и сильная, чем любовь к человеку? Или, возможно, в стремлении к Богу и состоял самый высший и подлинный смысл той неуместной любви, которую мы называем «перенесением», маленькой час-тичке настоящей
Gottesminne
(«Любви божьей»
(нем.). — Прим. пер.
),
навсегда потерянной для сознания с XV столетия?

Никто не станет подвергать сомнению реальность страстного стремления к какому-то конкретному человеку; однако то, что фрагмент религиозной психологии, исторический анахронизм, фактически средневековый курьез, напоминающий нам Мехтильду Магдебургскую, должен материализоваться в консультационной комнате как непосредственная живая действительность и выра-зиться в прозаической фигуре врача, выглядит слишком фан-тастично, чтобы быть принятым всерьез.

Подлинно научная позиция должна быть беспристрастной. Единственным критерием валидности гипотезы, выступает ее эвристическая, то есть объяснительная ценность. Итак, вопрос; в том, можем ли мы рассматривать изложенные выше возможности в качестве валидной гипотезы? *A priori* нет основания отвергать как предположение о том, что бессознательные стремления имеют цель за пределами конкретного человека, так и то утверждение, что бессознательное «не способно ни к чему, кроме желания». Один лишь опыт способен дать ответ, какая из гипотез окажется наиболее подходящей.

Моей весьма критичной пациентке эта новая гипотеза не внушала полного доверия. Прежний взгляд, согласно которому я был отцом-возлюбленным и, как таковой, представлял собой идеальное разрешение конфликта, обладал несравнимо большей

привлекательностью для ее образа чувств. Тем не менее, она была наделена достаточно проницательным умом, чтобы принять во внимание теоретическую возможность новой гипотезы. Между тем сновидения пациентки продолжали дезинтегрировать персону врача и раздувать ее до все более огромных размеров. Одновре-менно с этим происходило нечто такое, что поначалу только я один понял и встретил с крайним удивлением, именно, своего рода подпольное разрушение перенесения. Ее отношения с неким другом заметно углубились, хотя сознательно она все еще ос-тавалась верной перенесению. Так что когда подошло время расстаться со мной, вместо катастрофы состоялось вполне бла-горазумное прощание. Я имел привилегию быть единственным очевидцем всего процесса отделения. Я видел, как трансперсо-нальный пункт управления (transpersonal control-point) взял на себя — я не могу назвать это как-то иначе — руководящую функцию и шаг за шагом стягивал к себе все прежние завы-шенные персональные оценки; как, вместе с этим притоком энергии, .он приобретал влияние на сопротивляющийся созна-тельный ум, не давая пациентке возможности сознательно за-метить происходящее. Отсюда мне стало ясно, что эти сновидения были не просто фантазиями, а самоотображениями (
self
-
repre
-
sentations
) бессознательных событий, предоставлявшими душе (
psyche
) пациентки возможность постепенно выйти из бессмыс-ленной личной связи.

Как я показал, это изменение имело место в результате бессознательного развертывания трансперсонального пункта уп-равления и установления, так сказать, истинной цели, симво-лически выразившей себя в форме, которую невозможно описать иначе как образ Бога. Сновидения раздули человеческий облик врача до сверхчеловеческих размеров, превращая его в огромного и могучего праотца (который к тому же оказывается еще и ветром), в чьих защищающих руках сновидица покоится подобно младенцу. Если мы попытаемся переложить ответственность за появляющийся в сновидениях божественный образ на сознатель-ное и традиционно-христианское представление о Боге, имевшееся у пациентки, нам все же придется подчеркнуть его искажение. В отношении религиозных вопросов пациентка занимала кри-тическую и агностическую позицию, а ее представление о возможном божестве уже давно перешло в область невообразимого то есть выродилось в полную абстракцию. В противоположность этому, образ Бога в сновидениях соответствовал архаическому пониманию Бога как демона природы, отчасти похожего на Вотана. QeoV to pnenma «Бог есть дух» — здесь переводится в свою первичную форму, где pnenma значит «ветер»: Бог есть ветер, более сильное и могущественное, чем человек, незримое дыхание-дух. Так же, как в древнееврейском слово ruah, так и в арабском слово ruh означают дыхание и дух (Что касается более полной разработки этой темы, см.: Symbols of Transformation {Collected Works, Vol. 5). index, s. v. «wind».). Сновидения из чисто

человеческой фигуры развивают архаичный образ Бога, бесконечно далекий от сознательного представления о Боге. Можно было бы возразить, что это просто инфантильный образ, реминисценция из детства. Я не стал бы оспаривать такое предположение, имей мы дело с образом старца, сидящего на золотом троне в небесах. Однако, в данном случае нет и следа подобной сентиментальности; вместо этого мы имеем первообраз, который может соответствовать только архаической ментальности.

Эти первобытные воззрения, немало примеров которых я привел в своей книге *Symbols of Transformation*, принуждают нас — в том, что касается бессознательного материала — проводить его разграничение в совершенно иной плоскости, отличной от той, что отделяет «предсознательное» или «подсознательное» от «бессознательного». Здесь нет необходимости обсуждать обоснованность таких разграничений. Они обладают своей определенной ценностью и заслуживают дальнейшей разработки в качестве возможных гипотез. То основное разграничение, о котором опыт заставил меня заявить, претендует лишь на статус одной из таких гипотез. Из предшествующего обсуждения должно быть ясно, что нам необходимо различать в бессознательном слой, который можно назвать *личным (персональным) бессознательным.*
Содержащиеся в этом слое материалы имеют личный характер, поскольку обладают, отчасти, качеством индивидуальных приоб-ретений в процессе жизни конкретного человека и, отчасти, качеством психологических факторов, которые с таким же успехом могли бы быть осознанными. Нетрудно понять, что несовме-стимые психологические элементы могут вытесняться из сознания и, таким образом, становиться бессознательными. Но, с другой стороны, это утверждение предполагает возможность осоз-нания и сохранения в сознании вытесненных содержаний после того, как они были признаны. Мы признаем эти материалы в качестве личных содержаний, потому что их следы и частичные проявления или их источник можно отыскать в нашем личном прошлом. Они являются неотъемлемыми компонентами личнос-ти, входят, если можно так сказать, в ее опись, и их пропажа для сознания приводит к неполноценности в том или ином отношении — причем, к неполноценности, имеющей, в психо-логическом смысле, характер не столько органического повреж-дения или врожденного дефекта, сколько нужды в чем-то, которая дает начало чувству морального возмущения. Ощущение мораль-ной неполноценности всегда указывает на то, что упущенный элемент является чем-то таким, что, судя по этому чувству о нем, в действительности упускать не следовало, или чем-то таким, что могло бы стать сознательным, если бы мы достаточно потрудились. Чувство моральной неполноценности возникает не из столкновения с общепринятым и, в известном смысле, про-извольным нравственным законом, а из конфликта с самим собой, который, по соображениям душевного равновесия, требует восполнения дефицита. Всякий раз, когда появляется ощущение моральной неполноценности, оно указывает не только на по-требность ассимилировать бессознательный компонент, но и на возможность такой ассимиляции. Именно моральные качества человека, как последнее средство, заставляют его либо путем

прямого признания нужды, либо косвенно, через мучительный невроз, ассимилировать бессознательную часть себя и поддер-живать полную осведомленность. Любой идущий вперед по пути осознания себя (
self
-
realization
) должен по необходимости вводить содержания личного бессознательного в сознание, тем самым расширяя сферу своей личности. Я хочу сразу же добавить, что это расширение затрагивает, главным образом, наше моральное сознание, наши знания о себе, ибо те содержания бессознатель-ного, которые освобождаются и вносятся в сознание посредством психоанализа, как правило, неприятны — в чем, собственно, и состоит причина того, что эти желания, воспоминания, стремления, планы и т. д. были некогда вытеснены из сознания. Все они относятся к содержаниям, которые выявляются почти так же в ходе полной исповеди, хотя и в более ограниченном объеме, Оставшееся раскрывается, как правило, при анализе сновидений, Часто весьма интересно .наблюдать, как сновидения, постепенно и с величайшей разборчивостью, добавляют к общей картине существенные штрихи. Совокупный материал, таким образом добавляющийся в сознание, приводит к значительному расши-рению умственного горизонта и углубленному самопознанию, которое, по общему мнению, как ничто другое должно (бы) способствовать гуманизации человека и воспитанию умеренности. Однако, оказывается, что познание — выделяющееся, по пред-положению всех мудрецов, среди прочих мер самым эффектив-ным воздействием и наилучшими результатами — по-разному действует на различные характеры. В этом отношении мы от-крываем много удивительных вещей в ходе практического ана-лиза, но о них у меня пойдет речь в следующей главе.

Как показывает мой пример с архаичным представлением о Боге, помимо личных приобретений и принадлежностей бессоз-нательное содержит, по-видимому, и другие вещи. Моя пациентка совершенно не сознавала ни деривации «духа» от «ветра», ни параллелизма между тем и другим. Это содержание не было продуктом ее мышления, как впрочем и результатом заучивания. Критическое место в Новом завете (to pnenma
p
n
e
i
o
p
o
u
Q
e
l
e
i

) (
«Дух дышит, где хочет»
(греч.)
[Иоан. 3:8), что, вследствие семанти-ческой неопределенности фразы, можно перевести и как «Ветер дует, где хочет». —
Прим. пер.)
было ей недоступно из-за незнания греческого. Если нам так уж нужно считать это содержание целиком личным приобрете-нием, оно могло бы быть таковым лишь в одном случае — при так называемой криптомнезии (Ср.
Theodore Flournoy,
Des Indcs a la planetc Mars: Elude siir mi cas de somnambiillsme avec GiossoJalie
(Paris & Geneva, 1900), translated by I) B. Vennilye as
From India to the Planet
Mars (New York, 1900).
и
Jmig' «Psychology and Pathology of So-called Occult Phenomena»
(Collected Wvrhs,
Vol. 1), pars.
138
ff
.), то есть бессознательном при-поминании мысли, ранее где-то прочитанной пациенткой. Я ничего не имею против такой возможности в этом конкретном случае; но мне известно множество других случаев (большое их количество приведено в упомянутой выше книге), где криптомнезию можно с уверенностью исключить. Даже если бы наш случай был случаем криптомнезии, что кажется мне весьма неправдоподобным, нам пришлось бы все равно искать объяс-нение предрасположенности, послужившей причиной того, что именно этот образ сохраняется в памяти пациентки, а позднее, по выражению
Semon
, «экфорируется»
(
e
k
j
o
r
e
i
n
, лат.
efferre
, англ. «
to
produce
»).
Во всяком случае, с криптомнезией или без нее, мы встречаемся здесь с истинно

первобытным и весьма при-митивным образом Бога, который создавался в бессознательном цивилизованного человека и оказывал воздействие на современ-ную жизнь — факт, который вполне бы мог дать пищу для размышления специалисту по психологии религии. В данном образе нет ничего, что можно было бы назвать личным: это целиком коллективный образ, языческое происхождение которого нам давно известно. Перед нами широко распространенный ис-торический образ, который вновь обрел существование через посредство естественной психической функции. И это не столь уж удивительно, поскольку моя пациентка родилась на свет с человеческим мозгом, по-видимому, и сегодня функционирую-щим почти так же, как он функционировал в давние времена. Мы имеем здесь дело с реактивированным *архетипом,* как я в другом месте называл эти изначальные образы (Ср. *Psychological Types (Collected Works,* Vol. 6), Def. *26.* [Русск. пер.: Юнг К. Г. Психологические типы. — СПб.: М„ 1995, Определения 5. 18 и 39. — *Прим. пер.}*). Эти древние образы возвращаются к жизни благодаря примитивному, осно-ванному на аналогиях способу мышления, специфичному для сновидений. Речь идет не о врожденных идеях, а об унаследо-ванных структурах мышления (thought - patterns) (Следовательно, направленное против моих идеи обвинение в «при-хотливом мистицизме» утрачивает свое основание.).

Принимая во внимание эти факты, мы должны допустить, что бессознательное содержит в себе не только личные, но, кроме того, и безличные коллективные компоненты в форме врожденных категорий, или архетипов (Henry Hubert et Marcel Mau ss , *Melanges d ' histoire dcs relicions* (Paris . 1909 *),* p . XXIX.). Поэтому я выдвинул гипотезу, что на своих более глубоких уровнях бессознательное владеет коллективными содержаниями в относительно активном

состоянии Вот почему я говорю о коллективном бессознательном.